

Денис Карпеев

Чомбо

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
К26

Карпеев Д. С.

Чомбо / Д. С. Карпеев — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2018. — 226 с.

ISBN 978-5-5321-1417-3

Ветеран всех последних войн, спецназовец Макс Котиков приезжает к другу в Москву и прямо с вокзала снова попадает на войну, но только теперь от него зависит будущее всей планеты...череды сражений происходит в России, Чехии, Испании и Казахстане и превращается в один большой бой, от которого возможно оторвать своё внимание только по окончании книги. Обложка сделана на заказ, авторские права принадлежат Карпееву Д.С.

ISBN 978-5-5321-1417-3

© Карпеев Д. С., текст, 2017
© Omiko Trading LTD., оформление, 2018

Глава 1.

Я курил в тамбуре. Дым проникал в легкие, по пути раздражая слизистую и растекался терпкой, ядовитой массой, согревая тело и стимулируя мысли. Я с наслаждением делал глубокие затяжки, выпуская дым прямо перед собой, в никогда и никем не мытое стекло двери. Серая дверь вагона была исцарапана разными надписями и рисунками. Надписи складывались в целую историю. Историю этой двери, вагона и поезда, в котором я находился. В девяносто пятом здесь ехали какие-то Ольга и Витя. В девяносто восьмом кто-то уезжал на "дембель". Какой – то Рамазан царапал дверь в этом вагоне в две тысячи втором. Кто-то неизвестный полюбил Вику.

Вагон был старый и грязный. Судя по состоянию стекла, его не мыли со дня выпуска на маршрут. За окном проносились бесконечные пустоши, изредка пересекаемые редкими морщинами оврагов. До чего же огромна Наша страна! Едешь – едешь, а за окном бескрайние просторы, леса, поля, реки, озера.. и изредка,

какие – то обветшалые поселения. Середина ноября, вокруг все уже снегом покрылось.. Восемь месяцев зима. Чем там, в этих поселениях, люди занимаются? Вот хутор проезжаем.. два, восемь, двенадцать домов. Кто там в них живет? Что делают? Куда дети в школу ездят? Где народ работает? Где продукты берут? Натуральное хозяйство, наверное, как сто лет назад. Что посадили, тем и питаются. Дровами топят, вон отовсюду дымок вьется. Все серое и грязное, обветшалое. Как моя жизнь. Серая и грязная. Обветшала.

Особенно последние годы. Раньше все понятно было. Служба, приказы, войны, зачистки, развед-рейды...отпуск в Железноводске. Комиссовали по контузии, на второй чеченской.. Чудом тогда выжил. Теперь не понятно: зачем? Боевой офицер, "Краповый" берет, ордена, медали... И пенсия в сорок лет – девять тысяч. Это после Карабаха, Приднестровья и двух чеченских войн. Специалист по рукопашному бою, диверсиям, подрывному делу, разведке, контрразведке...никому не нужен.. армии не нужен, Родине не нужен.

Уволился, осел в Пятигорске, снял комнату у бабули, Марии Владимировны, устроился в спорт– комплекс, рукопашный бой препо-

давать. Сколько ученикам вдалбливал, что рукопашный бой для обороны использовать надо, бесполезно. Или учитель из меня плохой, или народ изменился, испортился. Молодежь пошла... Ничего святого в них нет. Никакого воспитания, ничего не понимают. Злость, эгоизм. Чуть научится, начнет направо и налево морды бить.. в бандиты уходят, в тюрьму садятся.. Ничего человеческого в людях не осталось, сплошное зверье какое-то.

Закрыв секцию, пытался бизнесом заниматься.. На рынок пошел шмотками торговать. Думал, раскручусь, отложу денег, дом куплю, или квартиру. Не получилось. Не мое это... Не могу людей обманывать. Обносился весь, обнищал в край.. В милицию пробовал-не взяли.. Сидят боровы откормленные, смеются. «Не подходишь,»— говорят,—«Не нужны ваши знания и навыки.» Не люди, а бесы какие-то, ложь, лицемерие, коррупция... Не этому меня в училище учили, не могу я так. В наемники звали, за границу. Не нужно мне это. Против кого воевать? И за какие интересы? За деньги? Не та мотивация. Как воевать, когда не понимаешь, кто свой, а кто враг? Кому присягу давать? Африканским королям? Смешно. Мотался из стороны в сторону, как неприкаянный.

Хорошо на стакан не подсел. Нету у меня этого, тяги к спиртному. А вот многие из друзей спились. Жалко их. Хотя понять можно, а что еще делать? Нечего.

В очередной раз позвонил Игорек. Все к себе, в Москву, звал. Работу обещал интересную— со злом мол, бороться. Говорит и усменяется: «Потенциал у тебя большой!» Какой потенциал, не пойму — в сорок лет, все потенциалы уже позади.

Мария Владимировна туда же. «Езжай»,— говорит—« чего ты здесь прозябаешь? Зовут ведь.» Вот собрался и еду. Добра нажил: спортивную сумку с тряпьем, пуховик, джинсы да армейские ботинки и денег чуть-чуть, на первое время. Серая жизнь и грязная...как ноябрь за окном.

Мимо шумной компанией прошли «дембеля», веселые, пьяные, разряженные как попугаи, аксельбанты, значки. Домой едут, салаги... Сколько они там, год, сейчас служат? Стрелять, наверное, не научили даже... Армия.. Прогадили все.. и армию и страну.

Вдруг вспомнилась та дождливая ночь в Карабахе. Странная тогда была война. Россия поддерживала армян, а азербайджанцы начали нанимать исламских наёмников. Моему взводу в ту ночь поставили самоубийственную задачу. Разведка доложила, что к противнику приехала группа диверсантов-террористов из Ливии. Предполагается тридцать-сорок человек. Аналитики считали, что они растворятся среди армянского населения, подготовят и проведут серию терактов. Они расположились на территории полка, контролировавшего юго-восточную линию. Их казарма находилась в самом центре укрепленного района, где базировался полк. Там же была и их тренировочная база. Моему взводу было поручено их ликвидировать. Сначала я долго ругался и кричал на Кодолова, полковника, начальника моего. Как ликвидировать? Их охраняют полторы тысячи солдат противника, периметр, вышки, пулеметы, минные поля, колючая проволока. -Как вы себе это представляете? Это же самоубийство! Он смотрел на меня, молча. Он все понимал. Но и я тоже все понимал. Понимал, что не он эту задачу придумал и если не меня, то отправят кого-то другого. Понимал, что нельзя авиа ударом накрыть весь полк, потому что, он рядом с деревней и много мирных жителей пострадает. Кроме того, мы вроде как и не существуем здесь. Официально Россия поддерживает нейтралитет в Карабахском конфликте. Понимал, что уничтожить их надо, иначе они развяжут полномасштабную партизанско-террористическую войну на территории Армении. Мы их, конечно, потом всех выловим, но уже совсем другими силами и другой кровью. Короче, я согласился. Да, и как мог не согласиться? – Приказ есть приказ. Кроме того, несмотря на мои крики и ругательства в адрес полковника, он ведь мой друг, хотя и начальник, мы оба прекрасно знали, что такое задание кроме меня и моего спецназа никто не осилит... Да, я тогда не был уверен, осилю ли я сам.

В общем, из тридцати человек своего взвода я предложил выйти из строя десяти добровольцам, уточнив, что задание будет последнее, потому как равносильно самоубийству. Вышли все, пришлось отбирать. Отобрал всех тех, кому терять было нечего, без семьи, без детей, только Гуртадзе взял, очень уж он просился. У него двое

детей, старшему уже пятнадцать, много братьев и сестер, так что позаботятся, если чего, о семье. Хороший был человек, старший лейтенант Гуртадзе. Все хорошие люди были, не такие, с кем сейчас судьба сталкивает, настоящие. Все погибли...

Ночь была славная, идеально подходящая для подобных операций, дождь, порывистый ветер, гром и молнии. Пошли налегке, без бронежилетов, касок и всего остального, только винторезы, штык-ножи, гранаты и куча взрывчатки, чтоб, если что, подороже продать свою жизнь. Взяли даже пару зонтиков.

Азербайджанцы вроде только – только из союза вышли, значит должны быть такие же как и мы, советские офицеры, однако, видимо, не такие. Высланная вперед разведка показала, что караульная служба у них поставлена из рук вон плохо, заградительный барьер – только видимость, колючка без напряжения, без погремушек, без сигнальных ракет. Минные поля... В шахматном порядке, с интервалом в полтора метра, любой выпускник учебки сходу пройдет. Проектировка внутри периметра такая, что не просматриваемых с вышек площадок немерено. Короче пробрались в казарму без происшествий, там все спали, даже дневальный из местных, перерезали всех ножами и так же бесшумно ушли за периметр, оставив на прощание зонтик с таймером на шесть утра. Нам казалось, невероятно, что такую сложную операцию провернули без проколов и без потерь. Уходили с отличным настроением... Вот и расслабились.

Километрах в трех от вражеской базы проходили по узкому оврагу. Переверзев наступил на сигнальную растяжку, в небо взвилась красная ракета. Мы побежали изо всех сил, так как вокруг этого оврага было ровное плато и мы читались бы, как на ладони. Однако у азеров остались все – таки профессионалы. Овраг оказался заранее подготовленной ловушкой. На него был нацелен стационарный минометный расчет, который и отработал прямо по нам, буквально секунд через тридцать после сигнальной ракеты. Мгновенно убило двоих: лейтенанта Кузнецова и старшего прапорщика Поцепина. Я забрал у Поцепина пульт и активировал первый зонтик, оставшийся на базе врага, пусть посуеются. Вой боевой тревоги утонул в какофонии беспорядочных взрывов сработавшего зонтика.

Дальше дела пошли совсем плохо. Минометы били прямо по нам. Убило еще двоих: Ветрова и Самылина. Гуртадзе ранило в ногу. Я приказал остановиться и залечь, используя естественные укрытия. Положение наше было аховое. Теперь подключилась и артиллерия. Работали по нам до рассвета. Овраг превратился в месиво из камней, земли и человеческих тел. Я выставил и взорвал оставшийся у меня зонтик, чтобы, значит, наши тела не достались врагу. Классное изобретение советской военной мысли. Визуально, действительно, похож на зонтик, при подрыве он взлетает вертикально вверх, метров на пятнадцать, там взрывается, разбрасывая в радиусе ста метров несколько десятков стограммовых противопехотных мин, которые, в свою очередь, взрываются при любом прикосновении. Опасная штука, эффективная, запрещена международными конвенциями. Утром обстрел прекратился. К тому моменту в живых осталось трое: я, раненый Гуртадзе и лейтенант Преображенский. Я приказал подручными средствами вырыть себе ямы, могилы, зарыться в них, и сверху прикрыться убитыми товарищами. Типа все, никого не осталось. Зонтик сработал очень удачно, разбросав мины по прилегающим полям, но практически не попав в узкий и невысокий, метров восемь, овраг. Мины скрылись в густой, по колени, траве. Мы закопались и затихли, стали ждать команду зачистки.

Минут через двадцать подъехали автомобили, потом мы услышали сразу три взрыва и крики помощи. Это значит, мины сработали. Потом еще с другой стороны два взрыва, и на полчаса движение прекратилось. Догадались гады, что не стоит сюда людей посылать – ничего кроме смерти они не найдут. Но все же азербайджанцы нашли способ подобраться вплотную.

Вскоре подъехал танк. Его гусеницам стограммовые противопехотки не по чем. На броню вылезли два пулеметчика, долго всматривались в нашу уничтоженную позицию в бинокли, потом вскинули пулеметы и выпустили по нам по полному магазину, после этого попрятались в люки и швырнули еще по три гранаты Ф-1.

После чего уехали, а еще через полчаса дали контрольный залп из минометов. Меня спас труп Переверзева, он принял на себя все предназначавшиеся мне осколки.

Я пролежал под кусками Переверзева еще несколько часов. Его кровь залила меня с ног до головы. Я был ранен в руку, но чувствовал себя более— менее сносно, хотя кровь хлестала из носа и ушей. Первая контузия. Я рассудил так, сегодня днем смысла нет высываться, ночью тем более, можно было легко на собственные мины нарваться, так что, если уходить, то уходить завтра, как только рассветет, и пока их начальство не передумало и не решило все ж таки выяснить, кто на них напал. Да, и ребята, может, кто очухается, хотя, в это я практически не верил. Ночью, когда звон в ушах более— менее стих, я начал потихоньку свистеть. Откликнулся только Гуртадзе. Сообщил что жив, но ранен не только в ногу, но еще в плечо, руку и грудь, хотя в грудь не глубоко, осколком на излете. На вопрос о Преображенском сказал, что видит его и что тому не повезло. Я вылез из— под Переверзева и подполз к старлею, перевязали как могли друг друга, поставили таймеры на часах на четыре тридцать и провалились в сон... Все следующее утро я тащил старлея на себе. По очереди мы теряли сознание. В это время второй, бодрствующий, прикрывал нас с автоматом в руках. К двенадцати часам дня я вынес Гуртадзе к передовому посту нашей разведки, и нас доставили в госпиталь. Там мы получили свои первые ордена...

За грустными думами и воспоминаниями выкурил полпачки. Интересно, что за работу Игорек предложит? В криминал не пойду, хотя Игорь не такой, вроде парень порядочный.. Раньше был... Когда в училище учились вместе. Образцовый советский офицер получился, только... Глубоко верующий советский офицер... Нонсенс. Мастер по самбо, меткий стрелок и талантливый диверсант, а верующий. Друзья рассказывали, что после увольнения из армии он семинарию окончил и вроде даже какой— то сан получил...священник, блин.. Или грехи замаливал? Тоже ведь повоевать довелось парню. Один только раз за время службы пересечься получилось, в Приднестровье. Он в спецназе, и я в спецназе, только в разных подразделениях, уже тогда меня к себе звал, но чем занимаются не рассказы-

вал, секретность говорит, но чем – то крутым и особенным. Про них разные слухи ходили, но так никто толком и не знал, что же они на самом деле делают. И сейчас не рассказывает. Таинственный весь, намеки, загадки. Учить тебя буду, говорит, а чему учить? Я сам кого хочешь чему угодно научу, да только кому это все надо? Никому не надо.

Прошел проводник, запер туалет и сказал, что к Москве подъезжаем. Через час на месте будем. Ну, ну. Что она, Москва эта даст мне? Десять лет не был, не узнаю уж, наверное. Небоскребы, пробки, ночные клубы, гламур, миллионы людей и машин..все изменилось, совсем другой город, другие люди, другие ценности. Ладно, доверимся Игорьку, авось действительно, что-нибудь стоящее предложит. Знает меня, знает, что в криминал не пойду и людей обманывать не могу... Не подготовлен я к современной жизни. Динозавр. Старый, разочарованный, но смертельно опасный динозавр. Только и умею, что хорошо стрелять да голыми руками убивать. Эх, не тому всю жизнь учился. И бабу нормальную не нашел. Пять человек руками удавить могу, а перед девушкой красивой робею. Иришка моя..долго держалась..любила меня, и та не выдержала мытарств по гарнизонам разным... Ушла к стоматологу.. Двое детишек у них.. Красивые... Дай бог им счастья и здоровья.. И стоматологу тоже.. После моей последней контузии приезжала в госпиталь..Спасибо ей..Грустно молчали..Цветы, тортик, и сожаление в глазах, что я такой... Несгибаемый..неподконтрольный..недомашний..неласковый. Ладно, пора вещи собирать, выходить скоро. Почти пустую пачку сигарет в карман, сумку на плечо, улыбку на морду... Пойду. Игорь обещал у вагона встретить, не стоит ему в разбитом состоянии показываться. Может не понять...

Игорь действительно ждал у выхода из вагона. Обнялись, похлопали друг друга по плечам. За те десять лет, что мы не виделись, он почти не изменился. Заматерел только. Светлые волосы, голубые глаза, улыбающиеся, но и одновременно очень серьезные. Властный подбородок с ямочкой. Здоровый, красивый, одет с иголочки, ботинки начищены, хотя вокруг слякоть и грязь, на пальто ни одной соринки, пиджачок странный, и рубашка белая, с воротничком сто-

ечкой..как у священников. Интересный образ. То ли современный, модный Брюс Ли, то ли гламурный священник. Рост под метр девяносто, на пол головы выше меня. Чисто выбрит.

Отобрал у меня сумку и защебетал радостно: ну, наконец-то, чего так долго не соглашался? Чем так занят был? Давно жду, столько времени потерял..я угрюмо отшучивался, дескать, дела, секция, ученики, бизнес и так далее.

—Короче, брат, — говорит Игорь, -сейчас тут неподалеку, в одной кафешке с человеком встретимся, у тебя ведь в Москве негде остановиться? Вот, с жильем вопрос решим на первое время, я уже обо всем договорился, вещи закинем, и к Роксане поедем, помнишь её?

—Еще бы.

—Встретимся, пообщаемся, потом на квартиру поедешь, обустроишься, отдохнешь с дороги, а завтра все про работу тебе расскажу, в общем, будем жизнь твою устраивать.

Роксана, старый добрый друг, еще с училища знакомы, у Игоря с ней какие — то шуры-муры были, да вроде не получилось ничего, так друзьями и остались, да вот и до сих пор. И я с ней постоянно раньше общался, письма писали друг другу.. Но странная она была всегда.. Не от мира сего. Все о глобальных вещах каких — то говорила.

В общем, вышли с вокзала и пошли.

Глава 2.

Вовке нравилась Алеся. Она сидела задумавшись, на переднем пассажирском, а он любовался ею в зеркальце на опущенном солнцезащитном козырьке над лобовым стеклом. За рулем сидел Костик, Леськин двоюродный брат и подпевал тихонечко, под Джоржа Майкла, звучавшего в динамиках авто магнитолы. Рядом с Вовкой, на заднем сидении обнявшись дремали Сашка с Марианной.

Ехали они к Марианне на дачу. Вернее это Марианнины родители называли домик в деревне, на Валдае, дачей, хотя какая это дача, пятьсот кмэ от Москвы, в забытой богом деревеньке, на берегу лесного озера. Домик принадлежал бабке Марианны, которая умерла пару лет назад. И с тех пор их семья использовала его как дачу, периодически приезжая туда по выходным или на праздники. Вот и сей-